УДК 94 (47).08:39

Г.Х. Рахимжанова

ЕВРАЗИЙСКИЙ АСПЕКТ В ФОЛЬКЛОРНОМ НАСЛЕДИИ Г.Н. ПОТАНИНА

Анализируется культурный обмен между Востоком и Западом на примере историко-этнографического наследия Г.Н. Потанина, которому принадлежит заслуга введения в широкий оборот многих образцов азиатского фольклора.

Ученый выделяет Сибирь и Центральную Азию в регион, ставший прародиной евроазиатских народов и эпицентром развития их культуры, тем самым выдвигая евразийскую модель развития цивилизации. Приводятся примеры сближения европейского и азиатского эпосов и пути переноса степных преданий в Европу, проводятся аналогии в именах персонажей и сюжетах устной поэзии тюрко-монгольских племен и европейских народов в трудах Г.Н. Потанина.

Ключевые слова: фольклор, эпос, пассионарии, евразийство.

В исследованиях видного путешественника, ученого и публициста Г.Н. Потанина историко-составительный анализ центральноазиатских народов занимает особое место. Анализируя устное творчество разных народов, учёный пришёл к выводу о наличии общих мотивов в эпосе европейцев и народов Азии. Эта мысль прослеживается в ряде работ учёного и, в первую очередь, в работе «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» (М., 1899). Это один из наиболее объёмных трудов Потанина. В нём используются материалы многих народов мира. Анализ феномена культурного взаимодействия Востока и Запада, проведённый Г.Н. Потаниным с позиции равноправия культурных ценностей, созданных разными народами, поднимает огромные научные пласты в историческом процессе. В экспедициях по Монголии, Тибету, Северному Китаю, Алтаю и Туве, в поездках в казахскую степь Г.Н. Потанин выявил и записал свыше 300 памятников устного народного творчества. Ученый раздвинул границы востоковедения, отметив более тысячи совпадений в фольклоре многих народов.

Предположительно, начало распространению многих мифологических сюжетов евразийского эпоса было положено в пределах восточных окраин Центральной Азии. Появившись где-то в районах междуречья Орхона и Енисея, ранние версии эпоса мигрируют на Запад, увлекая за собой просторы Великой степи. Предполагается также, что обмен этническим материалом происходил в то время, когда не было ещё разницы в культуре Востока и Запада, франки были варварами, а гунны через свои предания оказывали влияние на германцев («Песня о Нибелунгах»). Переселение народов, опустошительные войны и, как следствие, пленение и рабство, затем появляется «новый-старый» сюжет на другом конце земли. Отметим также, что на тот исторический момент было

больше движения «азиатских орд» на запад. Возвращаясь же на родину, кочевники, не осевшие в Европе, приносили в культуру своих народов элементы европейской культуры.

Вот как представляет Г.Н. Потанин возможные пути переноса степных преданий в Европу. В историческое время переселение народов совершалось почти всегда с Востока на Запад. Эти волны миграции приносили с собой в страны Запада тот духовный багаж, в который входили легенды, мифы, предания. Миграции кочевников шли по двум направлениям. Основным из них было северное, которое огибало с Севера Каспий и проходило через Южную Русь, Крым и Балканы в Европу. Его отголоски могли достигать и Англии. Сюжеты преданий из Монголии через Тибет могли попадать и в Индию (отсюда и сходство некоторых преданий) [1. С. 136]. Г.Н. Потанин относил перенос степных сказаний на Запад к древности, но подробно эту версию не разрабатывал. Более того, вначале он даже не настаивал на исключительной роли кочевников, считая, что восточно-славянские мотивы восходят к общему для всех источнику – легенде о сотворении мира.

По мнению учёного, Творец, создавая мир, нуждался в помощнике, который появляется в образе сына Творца. После сотворения мира происходит спор между отцом и сыном за право обладания этим миром. Спор перерастает во вражду. Сын Неба предстаёт в двух образах – добром и злом. Г.Н. Потанин предполагал, что такой образ уже существовал в монгольском фольклоре. Его имя Арья-Бало – «святой и плут» одновременно. Дальнейшее развитие событий показывает, что Творец становится земным царём, а сын принимает облик царя подземного царства (Эрлик). Небесное божество вселяется в земного царя и именуется чаще всего Чингисом, Гэсэром, но при этом сохраняет черты небесного творца. [2. С. 84]. Вначале Пота-

нин устанавливает наличие общих элементов в сказаниях о Гэсэре и древнегреческой поэме «Илиада», обнаруживает сходство между эпосами о Чингисхане и Карле Великом. Шаманские традиции учёный видит в евангельских легендах о происхождении Христа.

Аналогии, проводимые Потаниным в отношении Аттилы, уже имели место в различных преданиях. Итальянская легенда, как известно, связывает рождение Аттилы с собакой. В китайской хронике сохранился сюжет, согласно которому гунны были начисто истреблены соседями. Там уцелел лишь один 9-летний мальчик, которому отрубили руки и ноги, а самого бросили в болото. Мальчика всё-таки убили, а беременная от него волчица ушла на Алтай, спряталась в пещеру и родила там десять сыновей.

Основоположник пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилев, изучая историю гуннов, также обращался к этой легенде. «Этот сюжет был введён в китайскую хронику как одна из версий тюркского этногенеза, но на самом деле это поэма, а не история. Подумать только: перед нами четвертной перевод. Гуннский вариант переведен на древнетюркский язык, с древнетюркского – на китайский, а последний вариант уже переведен на европейские языки. Известно, что каждый перевод поэтического текста снижает его эстетическое достоинство на порядок. Так, поэма превратилась в изложение сюжета, как если бы кто-либо составил сухой пересказ «Песни о Нибелунгах», лишив ее поэтического языка. «Песнь о Нибелунгах» здесь приведена неслучайно. Она такой же отзвук гуннской трагедии, как и перевод легенды о волчице и её потомках, только западная версия сохранилась полнее, потому что лучше сопротивляется губительному Хроносу, чем береста» [З. С. 528].

Наблюдения Г.Н. Потаниным некоторых совпадений в эпосах об Аттиле Чингисхане не лишены глубокой смысловой подоплёки. В обоих случаях присутствует женская месть: Гудруны – за убитых сыновей и жены царя Шидургу – за убитого мужа. Надо отметить, что образ Чингисхана восходит к реальному лицу – великому полководцу, «Потрясателю Вселенной», излюбленному персонажу фольклора тюрко-монгольских народов. В то же время Потанин подчёркивает, что нужно всё же различать двух Чингисханов, одного легендарного, другого – исторически достоверного. Первый был божеством Центральной Азии, культ которого существовал задолго до начала завоеваний полководца. Только с момента вступления Чингисхана в пределы Китая и Туркестана начинается историческое повествование о нём.

Всё остальное, повествующее о нём до этого момента, следует признать сказками.

Карл Великий – историческая личность, основатель государства франков, персонаж средневековых европейских эпосов. Прослеживается схожесть в линиях судеб двух персонажей – молодые годы, изгнание братьями, долгие мытарства, прежде чем достичь власти. У Чингисхана появляется покровитель в лице Вана, который, помня военную доблесть отца Шынгыса, принимает его. Более того, Шынгыс помогает Вану одолеть его врагов и вернуть из плена его жену. Но впоследствии их дружбе приходит конец из-за заговора и предательства. У Карла также был враг при дворе Галафра, его сын Марсиль, который, возможно, убедил отца устроить западню Карлу. Но вскоре Галафр был убит. Когда Чингисхану принесли отрубленную голову Вана, он был рассержен на убийцу-простолюдина, посмевшего поднять руку на государя. Когда был убит Галафр, следует фраза о превосходстве царской крови.

По признанию самого Г.Н. Потанина, именно исследовательский интерес толкнул его на поиски параллелей в евразийском эпосе: «Я принялся сам за сопоставление найденных в степях Азии сюжетов с западными собраниями, чтобы поддержать в себе энергию при дальнейшем сборе фольклора. Иначе я потерял бы вкус к собиранию подобного материала». Ученого заинтересовало движение эпоса и наиболее его известный путь – маршруты миграции кочевых племён, «путь переселения кочевых орд Азии в степи южной России». Был и другой путь, он проходил ещё южнее – «через Туркестан и Иран, или Киргизскую степь, Кавказ и Армению»

Близость к реализму «восточной гипотезы» объясняется, вероятно, общностью происхождения евразийских этносов. Звезда Венера имеет схожесть по звучанию у многих азиатских народов – Цолмон, Цолбан, Цулпан, Чолбан, Чолпон, Солбын, Шолпан, Чолман. Г.Н. Потанин предлагает допустить существование ещё других имён для этой звезды, а именно колмон, колбан, колван. По его предположению, неслучайно один из русских богатырей в былинах носит имя Кольван. Это имя по-разному интерпретируется в русских загадках, и связано оно, в первую очередь, с небом. Ещё интересней связанность имени Кольван со Святогором или с Самсоном. «Всех трёх объединяет одна общая тема и или одно общее представление о столбе, который поддерживает какое-то здание». Вероятнее всего, этот столб связывает небо с землёй.

Приведу ещё один сюжет, связанный с Соломоном. В былинах Соломон видит людей, роющих могилу. На его вопрос, кому роют, он слышит от-

вет: Соломону. Он ложится в могилу, чтобы примерить, и она оказывается ему по росту. Далее Соломон говорит людям: «Я Соломон и есть!» и велит засыпать. Проводя аналогию, заметим, что в степных преданиях уже имели место предания о человеке, похоронившем себя, – монгольский Эрке-мерген или Джасыбай из казахских легенд. Но наиболее близко к Соломоновской версии стоят предания о тюркском провидце Коркуте, который, встретив людей, роющих ему могилу, убежал то на запад, то на восток. Затем он возвращается на середину земли и там умирает. Г.Н. Потанин отмечает, что если эта легенда принадлежит к звёздному эпосу, то в имени Коркут нужно признать имя Полярной звезды, занимающей центральное место на небе. Словом, Цолман, Кольван, Соломон и даже Коркут – все видоизменённые имена, так или иначе связанные с Венерой.

Приведу ещё один пример сближения мифов у Г.Н. Потанина. В урянхайской сказке Соломон идёт искать жену, встречается девицу, пришедшую за водой к источнику, и опускает свой перстень в её кувшин. Такой же сюжет встречается в монгольской сказке, где пастух встречается в степи девушку с ведром воды, в котором видит кольцо.

В своей статье «Тюркская сказка об Идыге» Г.Н. Потанин предположил, что имя Идыге-би было уже известно и в Монголии. Существование бурятского шамана Одыгэ-бо тому подтверждение. Через посредство тюркской сказки сказание о Чингисе роднится с библейским рассказом. Чингис отвечает тюркскому Идыге и библейскому Давиду; Ван – Тохтамышу и библейскому Саулу [4. С. 462]. И ещё одну аналогию приводит в пример учёный. Княгиня Ольга, отомстившая за убийство мужа древлянину Малю, и казахская красавица Баян-Сулу, отомстившая злему Кодару за возлюбленного Козы-Корпеша. В сюжете немало характерных совпадений, о чём сам учёный пишет с нескрываемым удивлением. Можно много привести примеров, отражающих самобытность срединной, евразийской культуры и глубокое культурное взаимопроникновение.

Как известно, формально датой рождения «евразийства» стал выход в свет сборника статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийства» в 1921 г. в Софии. Авторами этой теории стали русские учёные-эмигранты Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий. Они доказывали, что территорию России и Казахстана нельзя отнести только к Европе или к Азии. Она является неповторимой «исторической и географической индивидуальностью». Позже Л. Гумилёв развил и существенно обогатил их идеи учением о «корма-

щем ландшафте» и «вмещающем ландшафте» – разным, но всегда родном для данного этноса. Для русских это были речные долины, для тюрков и монголов – степная полоса и т.д.

Возвращаясь к «восточной гипотезе» Г.Н. Потанина, отметим, что главным её итогом, несмотря на сомнительные выводы, является доказательство сопоставимости устной поэзии тюрко-монгольских племён и эпической традиции европейских народов, ведь до него многие вообще сомневались в существовании эпоса у степных народов. Он смог привлечь интерес ученых к развертыванию исследований народов Центральной Азии.

Г.Н. Потанин, закончив работу над «Восточными мотивами» в 1899 г., задолго до рождения уникального историко-философского течения ввёл в исследование средневекового европейского эпоса евразийский аспект. Как и евразийцы, учёный выступал за сохранение самобытности этносов. Происходит заимствование сюжетных линий, а полученные данные о существовании тюрко-монгольских контактов свидетельствуют об уникальности потанинской методики сближения.

Пассионарные толчки определяли ритмы Евразии, доминант тех или иных сил в разные периоды истории. Поэтому неслучайно обращение ученого к тем или иным личностям, будь то предания или реальные исторические лица – Алаша-хан или Еростик, Карл Великий или Чингисхан. Восточная гипотеза акцентировала внимание на общности сюжетов. Сама идея служила цивилизационным, просветительским задачам программы исторического развития человечества, выдвинутой Потаниным. В трудах Г.Н. Потанина всегда доминировала линия, противостоящая господствовавшему на тот момент европоцентризму.

Историко-культурные взгляды Г.Н. Потанина и в наши дни не теряют актуальности. В границы востоковедения и фольклористики он включил тюрков и монголов, стал одним из первооткрывателей дуалистического мифа в фольклоре тюркоязычных народов, что имеет значение для современных исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе // Г.Н. Потанин. Избранные сочинения: В 3 т. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2005. Т. 3.
2. Сагалаев А., Крюков В. Потанин, последний энциклопедист Сибири. Томск: Изд-во НТЛ, 2004.
3. Гумилёв Л. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 2004.
4. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы: Дайк-пресс, 2007. Т. 9.